

Лингвокультурные особенности тематических групп гендерно-вежливой лексики русского и узбекского языков

Жабборова Н.И.- преподаватель Термезского государственного университета

Гендерную лексику следует относить к так называемым «динамическим структурам» обозначений, т. е. к пласту лексики, постоянно изменяющейся под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Вполне уместным при этом различать две семантики слова – системную и ситуативную. Обосновано то, что в случае гендерной лексики часто выступает единица эвфемизации, которая содержит информацию о деликатном отношении говорящего к адресату и к предмету речи, свидетельствует о стремлении говорящего не вызвать смущение, отвращение или коммуникативный дискомфорт у слушающего.

В зависимости от степени обобщенности в любой языковой единице выделяется два типа значения – виртуальное и актуальное. Виртуальным является значение самое неопределенное и абстрактное, совпадающее со значением слова в системе языка и уловимое слушающим без какого-либо контекста. Актуальным же является конкретное значение слова, употребляемое в определенном языковом контексте. Оно связано с минимальной степенью обобщенности сообщаемой им информации. Например, сочетания рус. *древнейшая профессия, известная профессия, интим сервис, интим услуги, интимные услуги, свободная любовь* – узб. *асл мато (оригинальная, никак все), анандақа (она такая, в значении продажная), баданфуруш (продающая свое тело), бебош аёл (женщина без предрассудков), бежо юрадиган (легкомысленная), енгил табиатли (беззаботная, легкого воспитания), ёмон бўлиб кетмоқ (испорченная), ёмон йулга кирмоқ (сбившаяся с пути), ёмон хотин (плохая жена), ёмон қиз (плохая девушка), майда қадам (досл. мелкий шаг, в значении легкомысленная), майиз емаган таниқ аёл (известная женщина), танасини сотадиган (продающая свое тело),* произносимое вне контекста, не дает слушающему знать о ком идет речь (проститутка, продажная

женщина), но слушающий все же понимает общее значение данного слова, которое и называется виртуальным.

При употреблении сочетаний или слов таких как *интим услуги* в определенном ситуативном контексте (например: *Она занимается интим услугами*) его значение становится актуальным, т. е. передает слушающему гораздо более определенную информацию, в данном примере – Она занимается проституцией. Оба вида значения сочетаний слов оказываются на самом деле взаимосвязаны: первое служит семантическим основанием для многочисленных актуальных значений. Как виртуальное, так и актуальное значение имеют компонентную структуру, в которой выделяются такие пласты значения: денотативный, сигнификативный и коннотативный.

Применительно к эвфемистической лексике слово любовь, например, воспринимается нами как масса действий и ситуаций, связанных с данной единицей в мире дискурса, или просто в голову приходит абстрактное значение слова любовь. Под денотатом языкового знака любовь мы представляем себе все обстоятельства и ситуации, находящиеся в соотношении с любовью, а под сигнификатом того же слова понимается те особенности и свойства, на основе которых можно соединить разные виды деятельности любви в класс. Ср. примеры со словом «любовь»: любовь к Родине (чувство глубокой привязанности), жениться по любви (сердечная склонность), любовь к театру (тяготение к театру), Она любовь моего сына (человек, внушающий такое чувство), заниматься любовью (о половых отношениях) и т. д. Только в последнем примере можно считать слово «любовь» эвфемизмом, так как заменяет деликатно смущающее при произнесении слово секс.

Так, сигнификат является суть лексического значения слова, которая придается в словарях и объединяет все признаки, обозначаемые словом.

Коннотативный компонент наряду с денотативным и сигнификативным составляют значение слова. Коннотация – это «добавочное» содержание значения, «семантические и стилистические оттенки», нагруженные на основное значение. Экспрессивное содержание значения выражает эмоции говорящего, его отношение

к адресату речи, к ситуации или к явлению, отражаемому в слове, а также придает высказыванию «торжественность, фамильярность, игривость, непринужденности и т.п.»).

Коннотацией обладают не все лексические единицы, а только стилистически окрашенные слова. Ср., например, нейтральные слова (есть, сын, лицо) и их эмоционально-экспрессивные синонимические ряды (жрать, сыночек, физиономия). В составе значения нейтральных слов выделяются только денотат и сигнификат, а в единицах с эмоционально-окрашенным содержанием значения выражается оценка говорящим объекта речи. В роли эвфемизма могут выступать слова только с положительным оценочным компонентом значения.

В случае гендерной лексики, часто выступает единица эвфемизации, которая содержит информацию о деликатном отношении говорящего к адресату и к предмету речи, свидетельствует о стремлении говорящего не вызвать смущение, отвращение или коммуникативный дискомфорт у слушающего. Так, в некоторых устно-бытовых ситуациях говорящий, предпочитает слова с положительной коннотацией, дотрагиваясь тонких тем разговора. Например: рус. *булавка в голове, в градусе, в нетрезвом виде, в нетрезвом состоянии, в подпитии, в состоянии алкогольного опьянения, в хмельном виде, веселенький, веселый, бахический, лицо в нетрезвом состоянии, под газом, под градусом, под мухой, под парами, поддавший, подогретый, с градусом, с мухой* (пьяный) – узб. *карахт бўлмоқ (онеметь), кайф ошмоқ (опьянеть), лақиллаб қолмоқ, бир пасда лақиллаб қолди (начать много говорить), меёридан ошмоқ (превысить нормы), оламдан ўтмоқ (умереть), ортиқчалик қилмоқ, ошиб кетмоқ (переусердствовать, выпить лишнего), ришиб қолмоқ (созреть), тайёр бўлиб олмоқ, тайёр бўлиб қолмоқ (готовый, в значении пьяный), тахта бўлиб қолмоқ (в зн. в доску пьяный), учиб қолмоқ, ўчиб қолмоқ (отключиться, в отключке), қотиб қолмоқ (застыть), гишит бўлиб қолмоқ (досл. стать кирпичом) – вместо маст бўлмоқ (быть пьяным)* и т. п.

Положительные эмоции гендера, вложенные в эвфемизме, делают человека энергичным, заряжают его хорошим самочувствием. В случае болезни, например, эмоциональный настрой могло бы «помочь человеку выздороветь». И, наоборот,

слова с негативной оценкой задевают чувства адресата унижают его достоинство, огорчают больного и причиняют ему душевную, наряду с физической, боль. Например: обнаружив в диагнозе признаки какой-либо тяжелой или неизлечимой болезни, врач как можно старается не передать пациенту информацию как есть, а подбирает слова с положительной коннотацией или хоть с неопределенной семантикой для того, чтобы смягчить удар и не потрясти пациента неприятной новостью: рус. *Наш тест показал, что у вас положительная реакция на болезнь ВИЧ приобретенную половым путем* вместо выражения *вы заражены СПИДом* – узб. *Бизнинг тестимиз шуни кўрсатдики, сиз жинсий ё'л билан юқадиган ВИЧ касаллигига ижобий муносабатда бўласиз* вместо *сиз ОИТС билан касаллангансиз* (вы заразились СПИДОМ); *Требуется хирургическое вмешательство* (вам необходимо провести операцию) – узб. *Жарроҳлик зарур* вместо *сизга операция керак* (Вам необходима хирургическая операция), или в случае смерти пациента при операции его семье сообщают, что случился летальный исход (врачи были бессильны; мы потеряли больного), узб. *жони чиқди* (душа покинула), *орамиздан юқолди* (ушел от нас), *таслим бўлди* (сдался смерти) и т. д. В первом примере, не наблюдается речевой разницы по случаю употребления эвфемистического выражения в обоих исследуемых языках, но во втором случае, все же наблюдается разница при сообщении новости о смерти пациента. Здесь все же прослеживается национально-культурная особенность свойственная менталитету узбекского народа, где проявляются свойственные религиозные и светские оттенки для адресатов и адресантов в речи.

Таким образом, возрастание интереса к феномену культуры с неизбежностью актуализирует такие проблемы, как язык и культура, основы развития поликультурной и многоязычной личности, социокультурные нормы речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации. В условиях межкультурной коммуникации должно уделяться внимание национальной специфике речевого этикета и речевого поведения.

При сопоставительно-функциональной трактовке национально-культурных особенностей эвфемизмов уровневой классификации малочисленной лексико-

семантической группы русского и узбекского языков эвфемизмы подразделяются на два типа (для примера послужат эвфемизмы связанные с семейными узами).

1. Гендерная лексика сватовства, выражаемая в эвфемизмах: рус. эвф. *договориться* – вместо *сосватать*, *избранница* – вместо *будущая жена*, *новобрачные* – вместо *молодожены*; узб. эвф. *айтилмоқ* (*суженный(ая)*), *аталмоқ* (*назвать*), *багишланмоқ* (*посвятить*), *унаштирилмоқ* (*быть помолвленными*) – вместо *унаштирмоқ* (*сосватать*);

2) Гендерная лексика связанная семейными узами выражаемая в эвфемизмах: рус. эвф. *окольцевать, зарегистрироваться, расписаться* – вместо *пожениться*; узб. эвф. *бўлмоқ* (*стать женой*), *олмоқ* (*в зн. взять, брать жену*), *қовушмоқ* (*досл. объединиться, в значении женитьбы*) – вместо *турмуш қурмоқ* (*пожениться*); рус. эвф. *супруг, супруга, половинка, благоверный, благоверная, таможня* – вместо *муж, жена*; узб. эвф. *адаси, дадаси, отаси* (*по узбекским обычаям, после рождения первенца, жены не обращаются к мужьям по имени, поэтому они их называют так, как будут называть его дети*); *бақрим* (*родной*), *бегим* (*мой бек*), *бойим* (*мое богатство*), *ёр* (*мой возлюбленный*), *жоним* (*моя душа*), *киши* (*человек*), *ёстиқдош* (*разделяющий одно ложе*), *жуфт, жуфти ҳалол* (*спутник жизни, пара*), *соҳиб* (*властелин*), *эркак* (*мужчина*), *юрагим* (*сердце моё*), *қимматлигим* (*мой дорогой*), *қувватлигим* (*мой сильный*), *ҳаёт ё'лдош* (*спутник жизни*) – вместо *эр* – *муж*; *аврат* (*нет перевода, употребляется при обращении к женицине*), *аёлим* (*моя женицина*), *ая, ойиси, онаси* (*мать моих детей*), *аҳлият* (*жизнь моя*), *бека* (*хозяйка*), *булбул* (*любимый соловей*), *вафодор* (*верная*), *гул* (*цветок*), *дилдор, ё'лдош* (*спутница*), *ёстиқдош* (*разделяющая одно ложе*), *ёр* (*возлюбленная*), *жуфт, жуфти ҳалол, ҳаёт ё'лдоши* (*спутница жизни, пара*), *зан* (*жена*), *маҳрам* (*законная жена*), *хасм* (*принадлежащая одному мужчине*), *хоним* (*госпожа*) – *вм. хотин* (*жена*);

3) Гендерная лексика развода мужа и жены, выражаемая в эвфемизмах: рус. эвф. *растаться, разъехаться* – вместо *развестись*; узб. эвф. *айрилмоқ* (*расставание, расстаться на всегда*), *ажралмоқ, ажрашмоқ* (*расторжение брака*),

алмаштирмак (поменять), хохламаслик (не желать), кўймоқ (отпустить, освободить) – вместо ажрашмоқ (расторжение брака);

4) Гендерная лексика, имеющая отношение к обозначению разведенной и одинокой женщины, выражаемая в эвфемизмах: рус. эвф. *свободная, вдова, одна* – вместо одинокая женщина; узб. эвф. *бева, тул (вдова), есир (пленница), ёлғиз (одинокая), тоқ (одинокая), уакка, ўзи (одна, сама)* – вместо эрсиз (без мужа).

Изучение эвфемизмов в процессе гендера различных языков позволяет внести вклад в изучение национального своеобразия языковой картины мира и речевого поведения носителей русского и узбекского языков.

Необходимо отметить, что задача гармонизации понятийных систем разных этносов и социальных групп весьма непроста. Не вдаваясь в подробный анализ национальных, групповых и индивидуальных тезаурусов, который выходит за рамки нашей статьи, приведем несколько лексико-семантических групп эвфемизмов, иллюстрирующих трудности, стоящие на пути к решению этой задачи.

Проанализировав гендерную лексику русского и узбекского языков, мы видим, что для каждой из обозначенных сфер нашлось достаточное количество подтверждающих их эвфемизмов. Две разные культуры, русская и узбекская, схожи в речеповеденческом аспекте. Употребление эвфемизмов в процессе гендера как проявление вежливого, внимательного поведения, намерение избежать конфликтных ситуаций, показать благоприятное расположение к человеку, заинтересованность в его состоянии, положении характерны для обеих рассматриваемых нами культур.

Русская и узбекская культуры, очень отличны друг от друга своими менталитетами: по своим традициям, обычаям, укладу жизни, характерам и нравам людей, жизненным стереотипам и целям, но вежливое поведение, а именно использование смягченных, тактичных, нейтрально окрашенных слов и выражений – гендера в определенных жизненных ситуациях совпадают.

На разных этапах развития общества и языка становятся актуальными и неактуальными различные группы эвфемизмов. Как представляется, в

современном русском и узбекском дискурсе продуктивны вышеназванные группы эвфемизмов, как в русской, так и в узбекской национально-культурной среде.

Поскольку для процесса гендерной лексики существенным является оценка эвфемизация языка как такого, прямое обозначение которого квалифицируется как резкость, неприличие.

Таким образом, такой речевой прием вежливости, как употребление гендерной лексики выражаемой через эвфемизмы, играет большую роль в жизни русского и узбекского языков и культур, к которым они относятся. Они улучшают жизнь людей, положительно влияют на ведение коммуникации, позволяют избежать конфликтных ситуаций, демонстрируют воспитание, помогают расположить к себе, придают положительно окрашенную эмоциональную характеристику словам в течение беседы. Без этого не может осуществляться ни одна коммуникация, следовательно, не может полноценно существовать и функционировать культура.

Список использованной литературы:

1. Жабборова Н. И. ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЛЕКСИКИ // Research and Publications. – 2023. – Т. 1. – №. 1. – С. 4-11.

2. Жабборова Н. Функционально-семантическая особенность гендерно-вежливой лексики русского и узбекского языков // Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков. – 2023. – Т. 1. – №. 1. – С. 126-131.

3. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия – СПб: Просвещение, 1988. – С.17.

4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М., 2007. – С.

Саммани М. Х. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке // Молодой ученый. – 2014. – №6. – С. 643-649. – URL <https://moluch.ru/archive/65/10654/> (дата обращения: 03.12.2020).

Раджапова Н. Б. СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦ) // Educational Research in Universal Sciences. – 2023. – Т. 2. – №. 3. – С. 339-342.

5. Шадиева Д., Жабборова Н. Анализ динамики норм русской письменной речи // Общество и инновации. – 2021. – Т. 2. – №. 3/S. – С. 202-207.

6. Шадиева Д. К. Сравнительный анализ русскоязычных СМИ в соседних республиках // Academic research in educational sciences. – 2021. – Т. 2. – №. 4. – С. 1059-1066.

7. Шадиева Д. К. Экстраполяция и изучение тенденций на изменение норм русского языка // Современные проблемы филологии. – 2022. – С. 133-138.